

Научная статья

УДК 81'23, 81'27, 81'33

DOI 10.17223/18137083/78/19

Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного)

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Аннотация

На примере ассоциативных профилей нескольких абстрактных существительных автор рассматривает вопросы взаимопроникновения лексической и грамматической семантики, вклад словоизменительных парадигм в структуру психолингвистических значений лексем. Привлекаются ассоциативные материалы, охватывающие период с 1988 по 2021 г. Типологические особенности строя русского языка задают специфику кластеризации лексического и грамматического в формировании векторов смысловых акцентуаций у русской языковой личности. Оттенки психологических значений специфически активируются в сетевой грамматической парадигматике под давлением интенционального культурного опыта народа. Ассоциативно-вербальные профили лексем и их парадигм позволяют оценивать не только продуктивность лексических и грамматических единиц по отношению ко всему лексическому составу или отдельным классам слов, но и их психическую актуальность по отношению к мотивации языковой личности.

Ключевые слова

взаимопроникновение лексического и грамматического, ассоциативный профиль существительного, интенциональность, русская языковая личность

Для цитирования

Шапошникова И. В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268–284. DOI 10.17223/18137083/78/19

Associative grammar and meaning (on the example of nouns)

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Abstract

Using the associative-verbal profiles of several abstract nouns, the author examines the interpenetration of lexical and grammatical semantics, the contribution of inflectional paradigms

© Шапошникова И. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268–284

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 268–284

to the semantic accentuations in the structure of the psycholinguistic meanings of these lexemes. The work was carried out on the materials of associative-verbal databases covering the period from 1988 till 2021. The structural features of the Russian language determine the specifics of lexical and grammatical semantics clustering in the formation of accentuation vectors in the Russian language personality's (RLP) image of the world. The semantic richness of case meanings of the nouns in the Russian language, the absence of any restrictions on the associative behavior of this part of speech, the variety of word-formation patterns in different groups of abstract nouns make them particularly attractive objects for research. Semantic shades of psychological meanings are activated in a specific way with the network grammatical paradigmatics under the pressure of the culture-bound experience and intentionality of the studied speech community. The construction of the associative-verbal profiles of the lexico-morphological paradigms allows us to evaluate not only the productivity of particular lexical and grammatical units with reference to the entire lexical system or individual classes of words but also their psychological relevance with reference to the motivation of the language personality (the general structure of its socio-communicative attitudes). A further profound study of associative grammar, given its dynamics, may contribute to overcoming the difficulties in formalizing associative links to optimize the computer technologies supporting human work with verbal materials.

Keywords

interpenetration of lexical and grammatical semantics, associative profiles of nouns, meaning formation and associative grammar, intentionality, Russian language personality

For citation

Shaposhnikova I. V. Associative grammar and meaning (on the example of nouns). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 268–284. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/19

Введение

В данной статье мы оперируем материалами больших ассоциативных баз данных СИБАС (2008–2021), ЕВРАС (2008–2013) и РАС (1988–1997)¹. В центре нашего внимания будет вопрос о роли диссипированной по сети ассоциативной грамматики в порождении и укреплении смысловых акцентуаций русской языковой личности (РЯЛ) в аспекте взаимодействия лексического и грамматического начал.

Типологическая специфика русского языка в плане взаимодействия лексического и грамматического

Флективный строй русского языка с признаками агглютинации в ряде его подсистем характеризуется синтетическими техниками, связанными с аналитизмом на основе взаимодополнительности. Описывая русский язык, В. В. Виноградов оперировал термином «синкретизм». «В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строем языка» [1972, с. 18]. Такой подход фиксирует высокую автосемантическую слова, что позволяет, с одной стороны, рассматривать его автономно, как *морфологически маркированный сложный кластер семантических признаков*; с другой – через отказ от установления жестко очерченных структурных границ лексического и грамматического

¹ Читатель найдет более подробную информацию об этих ресурсах в [Российская психолингвистика..., 2021, с. 365–371] и СИБАС 1 и 2 (<http://adictru.nsu.ru>).

учесть пластичность языковых процессов, их перерастание друг в друга. Источником смыслового обогащения слова в интерпретации В. В. Виноградова становится речевая коммуникация, где «одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегими новых значений и смыслов» [1972, с. 17]. Здесь ставится вопрос о динамическом, ставшем ключевым для современной когнитивной лингвистики, аспекте – изучении значений слов через их связи. Говоря об «экспрессивном напряжении слова», В. В. Виноградов связывает лексическое и грамматическое в предметном значении слова с коллективным или индивидуальным субъектом оценки: «Слово переливает экспрессивными красками социальной среды. Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста» [Там же, с. 21].

Строевые свойства русского языка в аспекте кластеризации смысловых признаков по-разному распределяются в разных частях речи и в разных группах лексем внутри каждого класса. «В имени существительном грамматика не подчиняет себе лексику целиком, а вступает с ней в тесное взаимодействие, как бы не преодолевая сопротивление материала и не вполне его “формализуя”. ...”Формы словоизменения” у имен существительных впаяны в их словообразовательную, лексическую структуру. Обилие суффиксов вполне гармонирует с предметно-смысловым многообразием категории имен существительных. Многие из суффиксов имен существительных носят на себе резкий отпечаток предметности (ср.: *-фил*, *-фоб*, *-ман*, *-вод*, *-вед*, *-носец*, *-изм*, *-ист* и т. п.). Всё это делает имена существительные не только вещественно-логическим стержнем всех классов слов названий, но и опорой большей части синтаксических конструкций» [Там же, с. 147].

Особая роль слов с предметными значениями, формирующими онтологию внешнего и внутреннего мира человека, высвечивается в онтогенезе речемыслительной способности у ребенка на основе предметно-практической деятельности. «Деятельность развивается от манипуляций предметами и неотделения признаков и действий от предметов к предметным действиям (“моей” деятельности), а затем к отчуждению себя в предметной деятельности» [Российская психолингвистика..., 2021, с. 551]. Механизм вербальной социализации ребенка состоит в том, что «вместо деятельности с предметами возникает деятельность со знаками, замещающими предметы и обладающими социально заданными значениями, т. е. в том, что на смену психологическому опосредованию значений в наглядных образах и представлениях приходит их связь с конвенциональными понятиями» [Там же]. Не случайно исследователи нейробиологических механизмов формирования конкретных и абстрактных значений у человека выявляют разные схемы: доминирование отнесенности к единому сенсомоторному прототипу у конкретных значений при их реализации в разных ситуациях, что создает предметно-образную основу для их распознавания; вариантную отнесенность к разным прототипам с частично пересекающимися по принципу фамильного сходства семантическими связями у абстрактных значений [Pulvermüller, 2013].

В ассоциативно-вербальной сети (АВС) существительное играет особую роль, что подтверждается статистически, слова этой категории, не имея каких-либо ограничений на ассоциирование, лидируют в формировании узлов сети [Шапошникова, 2021]. Можно предположить, что упомянутые нейробиологические механизмы формирования значений существительных (нас интересуют абстрактные лексем), могут проявить себя в АВС.

Лексико-грамматический и ассоциативный профили слова

Оценивая целесообразность измерения частоты не только на уровне лексем, но и на уровне всех их словоформ, О. Н. Ляшевская вводит понятие грамматического профиля лексемы, под которым понимает «распределение грамматических форм в парадигме словоизменения» [2016, с. 246] и который рассматривает в качестве «инструмента для изучения семантических и функциональных причин девиаций грамматических форм» [Там же, с. 249]. В плане изучения лексико-грамматических процессов в АВС интересно тонкое наблюдение О. Н. Ляшевской над русской лексической системой, где «почти нет существительных, грамматический профиль которых соответствовал бы “среднему” профилю нарицательной лексики, глаголов со “средней” пропорцией форм времени-лица-числа и т. п. По сути, мы имеем дело со сложным наслаиванием семантических особенностей, сочетаемостных и конструктивных свойств, которые суммарно влияют на частотный выход» [Там же, с. 250]. Этот факт русской лексико-грамматической системы проявляется себя и в АВС.

Для изучения ассоциативного профиля словообразовательной модели нужен доступ ко всему массиву ассоциатов через обратный словарь. Осуществив такой вход в СИБАС, генерируем ассоциативные поля (АП) двух тесно связанных друг с другом высоко продуктивных суффиксов *-изм* и *-ист*. Раскрывая словообразовательное значение модели *-ист*, В. В. Виноградов писал: «В современном языке окончательно канонизировано сцепление этого заимствованного суффикса с чисто русскими основами. Зародыши этого процесса относятся к половине XIX в.» [Виноградов, 1972, с. 91]. Суффикс *-изм* он относил к числу очень продуктивных заимствованных носителей «глубокого отпечатка отвлеченности» [Там же, с. 96]. Высокая продуктивность этих суффиксов ярко проявляется в АВС. Рассмотрим их АП (табл. 1). Индексы частоты ассоциатов, выраженных словоформами с этими суффиксами, довольно высоки, в сети наблюдается словообразовательное творчество с данными моделями. Например: *тупизм*, *шопоголизм*, *либералист* и пр. В табл. 1 представлены формы в именительном падеже. Косвенные падежи и единицы в составе фразовых реакций типа: равноправие → условный феминизм; зубы → ах кариес, дантист не учитывались. Для углубленного анализа отношений между дериватами в АП такой учет потребовался бы в полной мере: падежная парадигматика влияет на относительный рейтинг компонентов АП, высвечивает дополнительные смысловые акценты, не эксплицированные в полной мере через формы именительного падежа в силу специфики его грамматического значения [Шапошникова, 2021].

Выделенные в табл. 1 курсивом слова (*фашизм*, *нацизм*, *фашист*, *нацист*) сохраняют психологическую актуальность для РЯЛ с флуктуациями по десятилетиям в течение длительного периода. Показатели тезауруса РАС (1988–1997) у этих слов в им. п. *фашизм* 63; *фашист* 43; *нацизм* 6; *нацист* 6, при сравнении с суммарными данными СИБАС *фашизм* 51; *фашист* 104; *нацизм* 32; *нацист* 14 позволяют предположить и некоторый рост активности этих единиц в контексте новых реалий жизни, что может сопровождаться новыми смысловыми оттенками в их значениях. Для проверки нашего предположения проведем психоглоссирование АП этих лексем по прямым словарям (табл. 2), рассмотрим их историко-культурные значения, отмеченные в толковых словарях.

Таблица 1

АП суффиксов *-изм* и *-ист*
в СИБАС 1 (2008–2013) и СИБАС 2 (2014–2021) *

Table 1

The associative fields of the suffixes *-ist* and *-izm*
in SIBAS1 (2008–2013) and SIBAS 2 (2014–2021)

-ИЗМ		-ИСТ	
СИБАС 1 (651, 89)	СИБАС 2 (903, 120)	СИБАС 1 (663, 79)	СИБАС 2 (760, 98)
Организм 77; коммунизм 62; пессимизм 56; патриотизм 47; алкоголизм 41; механизм 33; эго- изм 29; социа- лизм 27; опти- мизм 15; 9 слов с индекса- ми от 14 до 10, среди них <i>нацизм</i> ; <i>фашизм</i> 10; 70 с индексами от 9 до 1	Эгоизм 116; орга- низм 72; меха- низм 70; комму- низм 52; <i>фашизм</i> 41; расизм 33; туризм 30; буд- дизм 22; <i>нацизм</i> 22; алкоголизм 21; идиотизм 21; героизм 18; 5 слов с индекса- ми от 16 до 14; 102 с индексами от 13 до 1, среди них <i>неонацизм</i> 1	Юрист 103; <i>фа- шист</i> 85; эгоист 64; артист 54; специалист 51; коммунист 28; экономист 16; турист; оптимист 15; активист 13; аферист 11; плюс 57 слов с индексами от 10 до 1, среди них <i>нацист</i> 5; <i>нефа- шист</i> 1	Эгоист 142; ар- тист 68; специа- лист 56; журна- лист 55; юрист 52; пессимист 48; <i>фашист</i> 19; ту- рист 18; опти- мист; террорист 15; футболист; экономист 12; 86 слов с индек- сами от 10 до 1, среди них <i>нацист</i> 9; <i>геонацист</i> 1

* В целях экономии свернут список средне- и низкочастотных единиц; в первой строке после названия корпуса показана общая статистика АП. Например, АП *-изм* в СИБАС 1 с индексами (651, 89), где 651 – общее количество ассоциатов с этим суффиксом, а 89 – количество разных словоформ в им. п. Все единицы упорядочены по частоте активации в сети, см. показатель после каждого слова. Единицы с одинаковой частотой даются через точку с запятой.

П. Я. Черных утверждает, что *фашизм* имеет параллельные формы в ряде славянских языков. В русском слова с этим корнем известны с начала 20-х гг. XX в. Слово пришло из итальянского языка, где появилось в 1919–1920 гг. Итальянское *fascista* – «фашист», *fascismo* – «фашизм» происходят от *fascio* – «связка», «пучок», «пачка», а также «союз», «объединение». Латинское *fascis* (к которому восходит ит. *fascio*) – «связка», «пучок», «вязанка» называло эмблему магистратов (высших римских сановников) – пучок прутьев с секирой. В фашистской Италии *fascio* (тот же пучок прутьев с секирой) был эмблемой фашистской власти. Из итальянского слова *fascista*, *fascismo* попали в другие языки Европы [Черных, 1994, т. 2, с. 305]. Как видим, жизнь этих слов в русском языке не отличается исторической глубиной.

В словаре Т. Ф. Ефремовой *фашизм* толкуется так: «Идеология и практика крайне воинствующего шовинизма, расизма и антигуманизма, опирающиеся на эту идеологию крайне реакционные политические течения, открытая террористическая диктатура и репрессивный режим, направленные на подавление прогрессивных

Таблица 2

Смысловая структура АП *фашизм, нацизм* в РАС и СИБАС 2 *

Table 2

The semantic structure of the AFs *fashizm* and *natsizm* in RAS and SIBAS 2

1988–1997: РАС (105 + 52 + 6 + 43)	1988–1997: РАС (105, 61, 2, 49)	2014–2021: СИБАС 2 (139, 67, 7, 51)	2014–2021: СИБАС 2 (134, 51, 6, 32)
<i>Нацизм</i>	<i>Фашизм</i>	<i>Нацизм</i>	<i>Фашизм</i>
Зона 1. Лица и персоналии, их организованные группы (кто воплощает)			
Гитлер 12; нацист; палач; фашист; фашистов; фашисты. Итого: 20; 9	Гитлер 20; нацист; человек в немецкой солдатской одежде. Итого: 25; 6	Гитлер 20; Ку-клукс-клан 2; фашист 2; Муссолини; скины. Итого: 31; 9	Гитлер 24; враг 3; пучок, Муссолини. Итого: 34; 8
Зона 2. Локации: пространство и время (где? когда?)			
В Германии; II-я мировая война. Итого: 3; 3	Германия 2; лагерь 2; Освенцим. Итого: 10; 8	Германия 3; Италия; прошлое; Украина. Итого: 8; 6	Германия 7; Италия 2; прошлое; Украина. Итого: 13; 6
Зона 3. Номинации (синонимы, оппозиции и толкования)			
Фашизм 25; расизм 3; власть; фашистский. Итого: 37; 11	Большевизм; коммунизм; нацизм. Итого: 14; 13	Фашизм 13; расизм 6; идеология; политика. Итого: 25; 8	Нацизм 8; авторитаризм 2; стиль. Итого: 16; 8
Зона 4. Что порождает названное явление, к чему ведет			
Война 2; жестокость 2; насилие; садизм; смерть; убийства; ужас; уничтожение. Итого: 18; 15	Война 7; насилие 3; смерть 3; жестокость 2; зверство; ненависть; убийство; уродство. Итого: 24; 13	Война 4; ужас 3; ненависть 2; смерть 2; ад; презрение; страх; убийство; холокост. Итого: 29; 22	Жестокость 5; война 4; смерть 3; террор 2; убийства 2; боль; злость. Итого: 26; 14
Зона 5. Прямая, категорично эмоциональная оценка			
Плохо 5; зло 3. Итого 14; 7	Зло 2; отвратительно. Итого 9; 8	Плохо 13; зло 6; это плохо. Итого 22; 5	Плохо 9; зло 3. Итого 14; 4
Зона 6. Этнические, расовые и этнополитические таксоны и термины			
Немец; немецкий; немцы. Итого: 3; 3	Немцы 3; немецкий 2. Итого: 5; 2	Нация 2; немцы 2; русские. Итого: 11; 8	Немцы 9; нация 2; евреи. Итого: 15; 6

Окончание табл. 2

1988–1997: РАС (105 + 52 + 6 + 43)	1988–1997: РАС (105, 61, 2, 49)	2014–2021: СИБАС 2 (139, 67, 7, 51)	2014–2021: СИБАС 2 (134, 51, 6, 32)
<i>Нацизм</i>	<i>Фашизм</i>	<i>Нацизм</i>	<i>Фашизм</i>
Зона 7. Действия и намерения			
Нельзя; не пройдет. Итого: 2; 2	Не пройдет 6; умри. Итого: 16; 11	Истреблен; нету; побежден. Итого: 4; 4	Не пройдет 2; истребляй. Итого: 5; 4
Зона 8. Символика			
2; 2	2; 2	3; 3	11; 8
Психоглоссы по отношению к общему количеству ассоциатов в АП**			
Нацизм 1988–1997	Фашизм 1988–1997	Нацизм 2014–2021	Фашизм 2014–2021
Зона 3 номинации (35,2 %) → Зона 1 лица (19 %) → Зона 4 что порождает (17,1 %) → Зона 5 категоричная оценка (13,3 %) → Зона 2 локации (2,9 %) = Зона 6 этнонимы (2,9 %) → Зона 7 действия (1,9 %) = Зона 8 (1,9 %)	Зона 1 лица (23,8 %) → Зона 4 что порождает (22,9 %) → Зона 7 действия (15,2 %) → Зона 3 номинации (13,3 %) → Зона 2 локации (9,5 %) → Зона 5 категоричная оценка (8,6 %) → Зона 6 этнонимы (4,8 %) → Зона 8 (1,9 %)	Зона 1 лица (22,3 %) → Зона 4 что порождает (20,9 %) → Зона 3 номинации (18 %) → Зона 5 категоричная оценка (15,8 %) → Зона 6 этнонимы (7,9 %) → Зона 2 локации (5,75 %) → Зона 7 действия (2,9 %) → Зона 8 (2,2 %)	Зона 1 лица (25,4 %) → Зона 4 что порождает (19,4 %) → Зона 3 номинации (12 %) → Зона 6 этнонимы (11,2 %) → Зона 5 категоричная оценка (10,45 %) → Зона 2 локации (9,7 %) → Зона 8 (8,2 %) → Зона 7 действия (3,7 %)

* В первой строке показаны даты сбора экспериментального материала и статистика АП. Первая цифра показывает общее число реакций, вторая – число ответов разными словами, третья – количество отказов от ответа, а четвертая – число единичных реакций. В каждой зоне показано количество наполняющих реакций по отношению к общему количеству реакций в АП. В последней строке выводятся психоглоссы (векторы смысловых акцентуаций АП) в соответствии с убыванием веса смысловых зон. В каждой зоне есть примеры характерных для нее ассоциатов и данные о ее наполняемости. Например: 20; 9, где 20 – общее количество реакций; 9 – количество разных словоформ.

** Иногда один и тот же ассоциат может быть отнесен к двум и более зонам в силу неоднозначности импликаций вне заданного испытуемому контекста, в этих случаях он наравне с другими реакциями входит в суммарные показатели каждой из таких зон. Например: *пучок*, *Муссолини* содержит название лица и символа.

общественных движений и на уничтожение демократии, на частичное уничтожение или превращение в рабов оставленных в живых побежденных народов; идеология превосходства над всеми другими нациями, возведенная в ранг государственной и международной политики» [Ефремова, 2006, т. 3, с. 694]. *Фашист* описывается в двух вариантах: «1. Приверженец фашизма. 2. Член фашистской организации. 3. Разг. Солдат или офицер гитлеровской Германии, воевавший в СССР в 1941–1945 гг.». *Фашист* 2: 1. разг.-сниж. Крайне злобный, агрессивный человек. 2. употр. как бранное слово» [Там же].

Происхождение существительных *нацизм* и *нацист* связывают с другим корнем, который появился в славянских языках раньше, чем модели с *фашизм*, но производные от него (*нация* и др.) также не отличаются особой исторической глубиной. П. Я. Черных отмечает, что слово *нация* кроме русского используется в украинском, белорусском, болгарском, хорватском и польском. В других славянских языках соответствующее ему понятие выражается словом *народ*. *Нация* (сначала только в значении «народ») пришло из западноевропейских языков в Петровское время, фиксируется с 1780 г. Латинский первоисточник *nātiō* означал «происхождение», «род», в дальнейшем «племя», «народность», «класс», «сословие», «каста», «порода». В этом слове был тот же корень, что и в *nasco* (< *gnasco*), *nātus sum*, *nasci* – «рождаться», «происходить» [Черных, 1994, т. 1, с. 562]. В толковании Т. Ф. Ефремовой *нацизм*: «Одно из названий германского фашизма», а *нацист*: «1. Приверженец нацизма. 2. Член гитлеровской фашистской партии» [2006, т. 2, с. 224].

Таким образом, если значение абстрактного существительного *нация* характеризуется обобщенным оценочно-нейтральным и даже терминологическим содержанием, мотивированным исходными признаками корневой морфемы, то существительные *фашизм* и *нацизм* имеют более конкретную предметно-понятийную отнесенность. Для сравнительного анализа мы располагаем АП прямых словарей, которые дают нужный разрыв во времени для наблюдения за флуктуациями смысловой структуры значений социокультурно маркированных для РЯЛ на фоне событий и дискурсов перестройки и двадцатилетия нового века лексем.

АП прямого словаря можно описать как иерархию маркеров актуальных контекстов, порождаемых значением слова; обратного – как иерархию маркеров контекстов, в которых слово может активироваться. Смысловая структура АП обеих лексем (см. табл. 2) позволяет провести зонирование по идентичным признакам, что согласуется с отмеченным в толковых словарях тождеством их значений. В первой зоне у обеих лексем сходные ассоциаты, жесткая смысловая связь единиц, активированных стимулами *нацизм* и *фашизм*. Первые позиции у *Гитлер*, активен *Муссолини*, особенно в части *фашизма*. *Фашист* во всех АП *нацизма* усилен вариативностью форм словоизменения. У *фашизма* отмечается прямая связь с образом немецкого солдата. Все АП содержат наименования лиц, практикующих пытки. Ассоциации с *расизмом* на западной почве отмечаются в СИБАС, испытываемые показали знания истории слова *фашизм*. Вторая зона явно локализует явления фашизма и нацизма в *Германии*, в СИБАС появляются *Италия* и *Украина*, подчеркивается отнесенность к *прошлому* на оси времени. Третья зона насыщена связанными общей словообразовательной моделью номинациями идеологического плана, взаимными толкованиями *нацизма* и *фашизма*. Только в РАС (эпоха перестройки) находим ассоциаты с *коммунизм*, *большевизм*, *ленинизм*, *марксизм* и пр., что можно рассматривать как следы идеологических диверсий того времени, когда под воздействием СМИ активно пропагандировалось уравни-

вание установок, идущих от советской власти, с фашистскими. В АП *фашизм* в СИБАС 2 ощутима некая отстраненность от тяжелого исторического опыта прошлых поколений, что проявляется в преобладании абстрактных номинаций терминологического характера (диктатура, авторитаризм, национализм и пр.), ассоциация *стиль* переводит содержательный план в сферу внешних знаков. В четвертой зоне у обеих лексем очень сходная по структуре ассоциаций картина. С ними устойчиво связываются *война, смерть, убийство и насилие* в самых извращенных формах. Смысловое насыщение негатива достигается через наполнение зоны близкими по значению или относящимися к одному понятийному полю единицами (*садизм, издевательство; уничтожение, гибель; страх, ад, ужас* и пр.) и через активацию морфологических парадигм: *убийства, убийство; терроризм, террор*. Слова с негативными оттенками фиксируются почти во всех зонах, однако пятая зона формируется единицами категорической негативной оценки. Только РАС дает в ней единичную реакцию *хорошо*. Шестая зона у обеих лексем в РАС наполняется этническими ассоциатами исключительно с *немцами*. В СИБАС же содержание образа *нацизма* расширено этнонимами *евреи и русские*. Седьмая зона эксплицирует очень жесткие установки на действия по истреблению и запрету названных явлений: *не пройдет, истребляй, недопустимо* и пр. В зоне символов кроме отмеченных во всех источниках свастики и зиггов, присутствуют черно-коричневые цветовые ассоциаты в РАС, и серо-черно-красные в СИБАС. Украинские реалии появляются на периферии АП. При психоглоссировании АП выявляются довольно устойчивые векторы смысловых акцентов у обеих лексем при сравнении их друг с другом и в актуальной диахронии у каждой лексемы в отдельности. Так, смысловая структура *нацизм* остается стабильной с отмеченными выше флуктуациями в первом ряду устойчивых зон (3, 1, 4). Смысловая структура АП *фашизм* также мало подвижна, за исключением зон 6 (этнонимы) и 7 (действия), которые поменялись местами в рейтинге (ср. данные РАС и СИБАС и описание флуктуаций выше). Возможно, это связано с общей для АВС активизацией этнополитического контекста в постсоветский период и неизбежным удалением от живых контактов с поколением победителей.

Рассмотрим словоизменительную парадигму лексем *фашизм, нацизм*. С учетом доминирования акцента на воплощающих эти явления лицах, учтем и парадигмы *фашист, нацист* по данным обратных словарей СИБАС, ЕВРАС и РАС. Функционально падежи ориентированы на выражение связи существительного с другими словами, поэтому косвенные падежи чаще дают ассоциаты в виде готовых синтаксисов, акцентирующих какой-то конкретный психически актуальный тип смысловой связи, маркируя социокоммуникативно значимые акцентуации в образе мира языковой личности (табл. 3).

Парадигма лексемы *фашизм* представлена только двумя падежами – им. и род.; *нацизм* – им. и твор.; *нацист(ы)* – им., род., дат.; *фашист(ы)* – всеми падежами, кроме предложного, при абсолютном доминировании акцентов на уничтожение носителей данной идеологии. Таким образом, как смысловые структуры АП лексем *фашизм, нацизм, фашист, нацист*, так и их падежные парадигмы свидетельствуют о наличии у РЯЛ жесткого стереотипа с устойчивой направленностью смысловых акцентуаций: психически актуальное значение демонстрирует сохранность историко-культурного концептуального прототипа, обросшего негативными эмоционально-оценочными смыслами, которые подчеркиваются словоизменительной парадигмой, особенно в части активной направленности на истребление названных этими лексемами явлений.

Таблица 3

Ассоциативная матрица падежной парадигмы
лексем *фашизм*, *нацизм*, *фашист(ы)*, *нацист(ы)* в РАС, ЕВРАС и СИБАС
(суммарные данные 1988–2021) *

Table 3

The associative matrix of the case paradigms
of the lexemes *fashizm*, *natsizm*, *fashist(y)*, *natsist(y)* from RAS, EURAS, SIBAS
(summary data 1988–2021)

Падеж	Фашизм	Нацизм	Фашист(ы)	Нацист(ы)
<u>Именитель- ный</u> Маркирует все связи, отмеченные в АП прямых словарей (ср. смысло- вые зоны в табл. 2).	133 (39) нацизм 39; национализм 13; расизм 8; Гитлер 9; не- мец 9; нация 6; патрио- тизм; нацист 4; Германия; немцы; шо- винизм 3; зло 2; виселица; война; обык- новенный; скинхед	45 (16) фашизм 9; патриотизм 8; расизм 7; на- ция 5; Гитлер 4; Германия 3; враг; злоба; нацист; нега- тив; немец; немцы; нера- венство; ор- ганизация; превосходст- во; скинхед (7, 5)	272 (45) немец 169; немцы 15; нацист 10; Германия 7; садист 5; враг 6; нация 5; нацизм 5; вешать; вой- на; гад; Гит- лер; коричне- вый; напали; победа; пыт- ка; скинхед; уничтожить	37 (20) нация 9; ком- мунист 4; немец; скин- хед 3; Гитлер; патриотизм 2; ариец; банда; белый; за- хват; нацизм; нацист; на- ционализм; расизм; рус- ский; садист; фашизм; ярый
Родительный	1 разгром	–	5 (3 разных) патриотизм; нация; лагерь	2 (разных) группа; ярость
Дательный	–	–	12 (1) смерть	2 (1) смерть
Винительный	–	–	2 (2) ненави- деть; побе- дить	–
Творитель- ный	–	1 запрет	1 пытка	–
Предложный	–	–	–	–
Итого	134 (39)	46 (16)	292 (51)	41 (23)

* Первая цифра в индексах падежей показывает частоту их активации. Вторая – количество разных стимулов, активировавших эту падежную форму. Далее приводятся примеры стимулов (с частотами), вызвавших ее активацию. Для именительного падежа список при-
меров сокращен.

С рассмотренными четырьмя лексемами устойчиво ассоциируется *нация*. В словаре Т. Ф. Ефремовой она определяется двумя значениями «1. Исторически сложившаяся устойчивая этническая общность людей, основанная на общности языка, территории, экономической жизни, а также на основе специфической толь-
ко для данного этноса добровольно и естественно принимаемой всеми нацио-

нальной культуры и формируемого на ее основе национального интереса. 2. Государство, страна» [Ефремова, 2006, т. 2, с. 225]. Ср. с историко-этимологическим описанием у П. Я. Черных выше. В толкованиях лингвистического значения *нация* не содержится лексико-семантических вариантов, несущих в себе смыслы *нацизма*, *фашизма*, отнесенности к именам лиц *фашист*, *нацист*. При зонировании АП *нация* по данным ЕВРАС и СИБАС 1 (табл. 4) в структуре психологического значения *нация* выделяются зоны, которые семантически разворачивают и конкретизируют концептуальную структуру лингвистического значения. Зона 2 соответствует второму варианту значения, показанного в словаре Т. Ф. Ефремовой.

В смысловой структуре обоих АП *нация* выявляются зоны, которые идентичны по составу и вектору смысловых акцентуаций. Зоны 1, 3 наиболее активны (свыше 30 %), менее активны зоны 4, 2 и 7 – свыше 10 %, остальные не превышают 10 %. Высокая наполняемость и актуализация зон 1 и 3 связана с тем, что в них содержатся конкретно-предметные репрезентации (народы и их свойства) образа *нации*. Некоторые из них усилены за счет морфологической вариативности, например, называющие национальность самих испытуемых: Ср. *русская* 40; *русский* 32; *русские* 15; *русских* 4 в ЕВРАС и аналоги в СИБАС 1. В нескольких зонах (3, 5 и особенно 7) находим прямые ассоциаты с *фашизмом* и *нацизмом*. Определенную роль играет общность корня *нация* с *нацизм*, *нацистская*, *нацисты*, *нацист* и др., но основной фактор – смысловая связь с этими и другими словами того же концептуального порядка: *фашизм*, *фашисты* и пр. Если собрать все такие ассоциаты в отдельную зону (см. зона 8), то ее интенсивность составит 6 % в ЕВРАС; в СИБАС 6,6 %. В историко-культурно выкристаллизовавшемся лингвистическом значении *нация* мы не находим ЛСВ *фашизм* – *нацизм*, однако психологическое значение этого слова содержит заметный по наполняемости пояс ассоциатов с данным концептуальным доменом. Это говорит о наличии «места памяти» (в терминах Ю. Н. Караулова [1987]) о войне с фашизмом у россиян, стереотипа, прочно связывающего явления *фашизма* (*нацизма*) с *нацией*, поскольку они зарождались на уровне наций и проявляли себя в кровопролитных событиях на арене истории целых народов. Сформированная таким опытом и транслируемая культурным контекстом интенциональность воплощается в социокоммуникативных установках на оперирование вербальными единицами, в структуре их психологических значений.

Нейрокогнитивные параллели

Опираясь на изложенные в ряде работ гипотезы и факты по вопросам обработки мозгом конкретных и абстрактных существительных и структуры их ментальных репрезентаций, можно вести речь о некоем континууме на оси переходов от более абстрактных значений к менее абстрактным, напоминающим конкретные. Дискуссии о семантической насыщенности абстрактных имен ведутся в контексте степени и характера участия сенсомоторного субстрата. По свидетельству некоторых авторов, восприятие конкретных имен в большей мере опирается на визуальные характеристики, абстрактным требуется активация лингвистических и контекстуальных ресурсов, механизмов семантической селекции и интеграции наличных в контекстуально-ситуативном окружении средств [Cousins

Смысловая структура АП *Нация* в прямом словаре ЕВРАС и СИБАС 1 *

Таблица 4

Table 4

The semantic structure of the AFs *Natsiya* in EURAS and SIBAS 1

ЕВРАС (538, 188, 12, 125)	СИБАС 1 (503, 187, 9, 127)
Зона 1. Этнические и этнополитические таксоны	
Русская 40; русский 32; русские 15; этнос 6; русских 4; евреи; россий- ская 3; китайцы; коми 2 и др. Всего: 212	Русская 31; русский 28; русские 14; русских 5; немцы 4; китайцы; не- мец; российская; россияне; этнос 2 и др. Всего: 188
2. Локации	
Страна 25; Россия 22; государство 8; родина 6; Германия 3 и др. Всего: 78	Россия 21; страна 21; Китай 5; государство 3; родина 3 и др. Всего: 65
3. Номинации и характерные признаки (свойства)	
Народ 64; единство 7; раса 6; этнос 6; гордость; национальность 5; си- ла 4; фашизм 4; лига; менталитет; язык 3 и др. Всего: 168	Народ 56; единство 10; сила 6; национальность 5; нацизм 4; расизм 3; культура; патриотизм; род; фашизм; язык; этнос 2 и др. Всего: 158
4. Какая может быть	
Единая 8; великая 6; сильная 5; наша 4; здоровая 3; вымирающая 2 и др. Всего: 66	Великая 7; наша; сильная 6; единая; моя 3; большая; здоровая 2 и др. Всего: 72
5. Действия и события	
Вымирает 2; живет; обескровлена; погибает; процветать; растет и др. Всего: 17	Вымирает; геноцид 4; растет 2; гибнет; процветает; русские не спят и др. Всего: 15

Окончание табл. 4

ЕВРАС (538, 188, 12, 125)	СИБАС 1 (503,187, 9, 127)
6. Символы	
Флаг 2. Всего: 2	Флаг 3; триколор (российский). Всего: 6
7. Кто? Лица, персоналии и их группы	
Люди 19; Гитлер 6; нацисты 4; мы 3; идиотов; скины; фашистов 2 и др. Всего: 61	Люди 19; фашисты 4; патриот 3; Гитлер; нацисты; националист 2 и др. Всего: 56
8. Фашизм = нацизм	
Гитлер 6; нацисты 4; фашизм 4; нацист 3; фашистов 2; нацизм; нацистская; скинхеды и др. Всего: 31	Нацизм 4; фашисты 4; Гитлер; нацисты; фашизм 2; националисты; скинхед и др. Всего: 33
Иное	
Облигация и др. Всего: 4	Аннотация и др. Всего: 7
Психоглоссы интенсивности по отношению к общей наполняемости АП **	
Зона 1 этнонимы (39,4 %) → зона 3 номинации (31,2 %) → зона 2 локации (14,5 %) → зона 4 какая бывает (12,3 %) → зона 7 лица (11,3 %) → зона 8 фашизм-нацизм (5,8 %) → зона 5 действия (3,2 %) → зона 9 иное (0,7 %) → зона 6 символы (0,4 %)	Зона 1 этнонимы (37,4 %) → Зона 3 номинации (31,4 %) → Зона 4 какая бывает (14,3 %) → Зона 2 локации (12,9 %) → Зона 7 лица (11,1 %) → Зона 8 фашизм-нацизм (6,6 %) → Зона 5 действия (3 %) → Зона 9 иное (1,4 %) → Зона 6 символы (1,2 %)

* Материал представлен в том же порядке, что в табл. 2.

** См. примечание к табл. 2.

et al., 2017, p. 52]. Особого внимания, с нашей точки зрения, для изучения абстрактной семантики в АВС заслуживают работы [Pulvermüller, 2013; Henningsen-Schomers, Pulvermüller, 2021], поскольку в них речь идет о том, что можно было бы назвать нейрокогнитивными профилями конкретных и абстрактных имен. Исследуя модели укоренения двух типов значений, Ф. Пульвермюллер рассматривает: характер вовлечения модально-специфичных и мультимодальных систем; четыре семантических механизма, которые поддаются исследованию с помощью нейровизуализации. Это: референциальная семантика (устанавливает связи между телами языковых знаков, символами в терминологии автора, и объектами, действиями); комбинаторная (дистрибутивная) семантика (обеспечивает понимание слов из контекста); эмоционально-аффективная семантика (устанавливает связи между телами языковых знаков и внутренними состояниями субъекта) и абстрактные механизмы обобщения ряда репрезентаций (употреблений) семантического значения [Pulvermüller, 2013]. Эти типы семантики составляют комплементарные механизмы, каждый из которых необходим при обработке значения мозгом. Все четыре типа, как нам думается, могут быть в той или иной мере подвергнуты анализу в АВС, а их кластеризация невозможна без специфического взаимопроникновения лексических и грамматических начал у разных групп имен существительных. В работах Ф. Пульвермюллера показано, что конкретное значение на уровне нейрональных механизмов характеризуется более жесткой связью с сенсомоторным прототипом, своего рода семантическим хабом, который формируется на многократном воспроизведении разных вариантов одного и того же объекта (и тела его знака), при совпадении базовых черт (full-feature overlap) во всех случаях. У абстрактных слов происходит формирование центра конвергенции информации на мультимодальной основе при ослабленных корреляциях функциональных систем разных репрезентаций слова. Связи между разными репрезентациями в семантическом хабе строятся по принципу неполного сходства (family resemblance; lacking full feature overlap). См. графические модели представления конкретных и абстрактных значений на примере *eye* и *beauty* в [Pulvermüller, 2013], *hammer* и *democracy* в [Henningsen-Schomers, Pulvermüller, 2021].

Заключение

Ассоциативные профили абстрактных лексем *нация*, *фашизм*, *нацизм* подводят нас к предположению о том, что, в отличие от *нация*, которая может базироваться на частично совпадающих перцептивных эталонах, дающих образы разных народов, в разных местах развития с характерными для них свойствами и стереотипами, *фашизм* и *нацизм* удаляются от этого полюса отвлеченности за счет довольно жесткой связи на всех семантических уровнях с основанным на опыте предыдущих поколений прототипом гитлеровского фашизма, что проявляется в суженном смысловом объеме разных зон в структуре психологических значений этих лексем, поддержке словоизменительной вариативностью доминирующих специфических акцентов, а также в факте вхождения этого когнитивного домена в более абстрагированную и разветвленную смысловую структуру психологического значения *нация*. Так проявляется интенциональность РЯЛ, эксплицируются ее социокоммуникативные установки на оперирование анализируемыми лексемами. Возможно, соединение знаний о лексико-грамматическом, нейрокогнитивном и ассоциативном профилях лексем будет способствовать познанию природы вер-

бально-коммуникативных процессов, поиску путей формализации многомерных и множественных связей на междисциплинарной основе.

Список литературы

- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2: М–П. 1160 с.; Т. 3: Р–Я. 973 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
- Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: ИД ЯСК: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 520 с.
- Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. М.: Ин-т языкознания – ММА, 2021. 626 с. DOI 10.30982/978-5-6045633-7-3
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: В 2 т. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1: А – Пантомима. 623 с.; Т. 2: Панцирь – Ящур. 560 с.
- Шапошникова И. В. К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 314–329. DOI 10.17223/18137083/77/24
- Cousins Katheryn A. Q., Ash Sharon Irwin David J., Grossman Murray. Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns // Brain and Language. 2017. Vol. 165. P. 45–54. DOI 10.1016/j.bandl.2016.11.003
- Henningsen-Schomers M. R., Pulvermüller F. Modelling concrete and abstract concepts using brain-constrained deep neural networks // Psychological Research. 2021. DOI 10.1007/s00426-021-01591-6
- Pulvermüller F. How neurons make meaning: Brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics // Trends in Cognitive Sciences. 2013. No. 17. P. 458–470. DOI 10.1016/j.tics.2013.06.004

Список источников

- ЕВРАС – Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России): В 2 т. М.: Московская международная академия, 2018. Т. 1: От стимула к реакции. 544 с.; 2019. Т. 2: От реакции к стимулу. 688 с.
- РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 20.01.2022).
- СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2021 / Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения 20.01.2022).

References

- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: 13 560 slov: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the Russian language: 13,560 words: in

2 vols.]. 2nd ed. stereotyped. Moscow, Rus. yaz., 1994, vol. 1: A – Pantomima, 623 p.; T. 2: Pantsir' – Yashchur, 560 p.

Cousins Kathryn A. Q., Ash Sharon Irwin David J., Grossman Murray. Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns. *Brain and Language*. 2017, vol. 165, pp. 45–54. DOI 10.1016/j.bandl.2016.11.003

Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 3 t.: ok. 160 000 slov* [Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 vols: about. 160,000 words]. Moscow, AST, Astrel', 2006, vol. 2: M–P, 1160 p.; vol. 3: R–Ya, 973 p.

Henningsen-Schomers M. R., Pulvermüller F. Modelling concrete and abstract concepts using brain-constrained deep neural networks. *Psychological Research*. 2021, Nov. 11. DOI 10.1007/s00426-021-01591-6

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka, 1987, 262 p.

Lyashevskaya O. N. *Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka* [Corpus as a toolkit for grammatical study of the Russian language]. Moscow, ID YaSK: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi [Manuscript monuments of Ancient Rus'], 2016, 520 p.

Pulvermüller F. How neurons make meaning: Brain mechanisms for embodied and abstract-symbolic semantics. *Trends in Cognitive Sciences*. 2013, no. 17, pp. 458–470. DOI 10.1016/j.tics.2013.06.004

Rossiyskaya psikholingvistika: itogi i perspektivy (1966–2021): Kollektivnaya monografiya [Russian Psycholinguistics: Results and Perspectives (1966–2021): Collective monograph]. I. A. Sternin, N. V. Ufimtseva, E. Yu. Myagkova (Sci. Eds.). Moscow, Institute of Linguistics–MMA, 2021, 626 p. DOI 10.30982/978-5-6045633-7-3

Shaposhnikova I. V. K voprosu ob eksplikatsii universalii russkoy yazykovoy lichnosti na modeli assotsiativno-verbal'noy seti [Towards the explication of the universals of the Russian linguistic personality on the model of the association-verbal network]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 4, pp. 314–329. DOI 10.17223/18137083/77/24

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (a Grammatical study of the word)]. Moscow, Vyssh. shk., 1972, 614 p.

List of sources

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannyykh. Sibir'i Dal'niy Vostok – 2008–2021 [Russian regional associative database. Siberia and the Far East – 2008–2021]. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comps). URL: <http://adict.ru/nsu.ru> (accessed: 20.01.2022).

Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. [Russian associative dictionary: In 2 vols.]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov (Comps). Moscow, Astrel', AST, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 20.01.2022).

Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar' (Evropeyskaya chast' Rossii): V 2 t.* [Russian regional associative dictionary (European part of Russia): In 2 vols.]. Moscow, Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya, 2018, vol. 1: Ot stimula k reaktsii [From stimulus to reaction]. 544 p.; 2019. vol. 2: Ot reaktsii k stimulu [From reaction to stimulus]. 688 p.

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 12.12.2021
The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 12.12.2021*